

Александр Николаевич Сытин, старший научный сотрудник РИСИ.

Актуальные аспекты новой архитектуры безопасности на постсоветском пространстве

В начале июня 2008 г. в Берлине президент России Д. Медведев выступил с инициативой, которая была зафиксирована в принятой в середине июля 2008 г. Концепции внешней политики РФ, о заключении Договора о европейской безопасности. Дополнительное развитие российская позиция по ключевым элементам Договора получила на Конференции по мировой политике, которая состоялась в Эвиане (Франция) в октябре 2008 г., а через месяц – на саммите Россия – ЕС в Ницце. Это была широкомасштабная инициатива РФ в области строительства новой системы международных отношений, или, как сегодня принято говорить, новой архитектуры безопасности. Столь крупный проект Россия предлагает впервые.

В своё время СССР принял непосредственное участие в формировании послевоенного европейского, а в конечном итоге, и мирового порядка. В основу двухблоковой, основанной на паритете системы международных отношений после окончания Второй мировой войны были положены Ялтинские и Потсдамские соглашения. Со временем между этими блоками началась "холодная война", накал которой лишь в незначительной степени был ослаблен Хельсинкскими соглашениями 1975 г., некоторые положения которых носили компромиссно-декларативный характер. Поэтому всякие попытки сравнивать нынешние российские внешнеполитические инициативы с Соглашениями 1975 г. представляются не совсем правомерными. На наш взгляд, сегодня речь идёт о гораздо более значимом проекте, который в случае реализации определит систему межгосударственных отношений на ближайшие полвека¹.

Значение этой инициативы определяется прежде всего тем, что это первый со времени распада СССР крупномасштабный проект Российской Федерации в области глобальной международной политики. До недавнего времени критики отчасти обоснованно упрекали Россию в отсутствии внятной внешнеполитической концепции. Тем более речи не могло идти о глобальных инициативах. Теперь же такая инициатива одновременно выступает и в роли концепции, демонстрируя тем самым возросший статус и международный вес РФ.

¹ История международных отношений показывает, что обычно та или иная система (Вестфальская, Утрехтская, Парижская, Венская, Берлинская, Потсдамская) существовала около 50–60 лет. Исключение составила лишь Версальская система, просуществовавшая всего 27 лет.

Очевидно, что в первую очередь это повлияет на ситуацию на постсоветском пространстве, которое по-прежнему аморфно и размыто и где после распада СССР продолжают развиваться разнонаправленные процессы. В целом это оказывает неоднозначное влияние на перспективы становления и развития образовавшихся здесь государств, взаимоотношения между которыми, в том числе и с Россией, далеки от позитивных и не способствуют стабильности. Образованное на постсоветском пространстве Содружество Независимых Государств не оправдало возлагавшихся на него надежд. Гармонии не получилось, и "цивилизованным" развод бывших советских республик можно назвать, лишь сравнивая его с распадом Югославии. Кроме России, играющей на этом пространстве лидирующую роль и, безусловно, определяющей его политическое и экономическое будущее, здесь сложилось несколько специфических групп государств.

Прежде всего, это страны Балтии, которые сумели в короткий срок стать членами НАТО и ЕС, спекулируя на образе жертв советской оккупации и "новой российской угрозе". Другие группы – это западные республики (Украина, Молдавия, Белоруссия), Закавказье и Центральная Азия. Кроме них на постсоветском пространстве существуют потенциально взрывоопасные, не признанные мировым сообществом Нагорный Карабах и Приднестровье, а также Абхазия и Южная Осетия, процесс признания которых начался в августе 2008 г.

Несмотря на разнообразие политического и социально-экономического ландшафта, на всём постсоветском пространстве действует ряд сходных дестабилизирующих факторов, влияющих на развитие ситуации.

В *политической сфере* к таким факторам относится продолжающаяся перестройка внешнеполитического курса, которая имеет тенденцию к усилению прозападной и ослаблению пророссийской ориентации, что характерно в том числе и для государств, избравших многовекторную внешнюю политику.

В *сфере экономики* общим является переход к рыночным отношениям, который повсюду, кроме Балтии, сдерживается рудиментами политической системы советских времён, приспособленной для жёсткого централизованного управления хозяйственной жизнью страны, но малоприспособленной в условиях свободного рынка.

В *сфере технологий* для всех стран характерно балансирование на грани потери прежнего технологического уклада и нарастающее отставание не только от стран Запада, но и от многих развивающихся государств.

В *оборонной сфере* можно говорить об ослаблении военной мощи, особенно заметном на фоне роста военного потенциала и Запада, и Востока. На сегодняшний день ни одна из стран СНГ, кроме России, не в состоянии самостоятельно обеспечить защиту своего суверенитета.

В *области национальных отношений* можно считать практически завершившимся переход от интернационализма советских времён к более или менее крайним формам национализма и религиозного фундаментализма, характеризующегося ксенофобией и размежеванием по конфессиональному признаку.

В *культурной сфере* наблюдается общее снижение образовательного и интеллектуального уровня населения, деградация научного потенциала и материальной базы науки, особенно в области фундаментальных исследований².

Кроме того, на ситуацию во всех странах влияют и такие относительно второстепенные факторы, как криминалитет и коррупция, постепенно приобретающие системообразующий характер; демографические проблемы; неконтролируемая миграция; пошатнувшееся физическое и моральное здоровье широких слоёв населения. Указанные факторы имеют системный характер, их значение и удельный вес неодинаковы в разных странах и регионах постсоветского пространства, что вносит в его характеристику ещё больше непредсказуемости и нестабильности.

Противостоять деструктивному влиянию этих факторов можно, если роль РФ как главного центра силы и влияния в регионе будет достаточно активной. Очевидно, что проблемы постсоветского пространства выходят далеко за рамки региональных и даже надрегиональных, приобретая глобальное значение. Вместе с тем всё более глобальной становится и роль России. В связи с этим идея глобального урегулирования межгосударственных отношений посредством выстраивания системы соглашений, которые создадут новую архитектуру международных отношений, выглядит как нельзя более актуальной.

Сознавая свою ответственность за сохранение стабильности на постсоветском пространстве, Россия предпринимает весьма значительные усилия для того, чтобы сохранить и упрочить там своё влияние. Обвинения в имперских притязаниях, которые адресуют России восточноевропейские критики (в первую очередь польские и прибалтийские), их попытки уличить её в генетической агрессивности и даже в угрозе, которую она якобы создаёт для суверенитета соседних стран, несостоятельны по многим причинам. И прежде всего потому, что в настоящее время ни одна военно-политическая сила, даже более крупная, чем Россия, не может, а главное – не хочет, брать на себя ответственность за столь сложный, нестабильный и непредсказуемый регион, каким является постсоветское пространство.

Именно по этой причине сразу же после окончания "холодной войны" была упущена возможность выстроить в Европе неразделённую, неблоковую систему безопасности. После падения Берлинской стены и распада СССР основной европейской системы безопасности продолжали оставаться старые институты, созданные во времена "холодной войны" и для реализации её целей. В результате система трансформировалась в перманентно расширяющуюся НАТО³. Нынешние проблемы в отношениях России и НАТО являются тяжёлым и обременительным наследием двухблочной системы времён "холодной войны", и преодоление этого наследия – сложнейшая, но и очень важная задача российской внешней политики, краеугольный камень новой архитектуры безопасности, которая должна быть построена на базе российских инициатив.

² РФ сегодня. 2007. № 7. URL: http://www.russia-today.ru/2007/no_7/07.analysis.html.

³ Никонов В. Главная проблема НАТО – это европейская система безопасности. URL: <http://www.kremlorg/opinions/135138785>.

Объективное ослабление позиций России после распада СССР и завершения "холодной войны" предопределили тот факт, что в течение двух предшествующих десятилетий Запад предпринял попытку построить систему европейской безопасности без России и во многом против России. Это выразилось в беспрецедентно быстром даже по современным меркам расширении альянса и разработке его новой идеологии, согласно которой НАТО уже не является военным блоком, а выполняет миссию по распространению демократии. Однако так называемые "гуманитарные интервенции" в Косове, Ираке и Афганистане со всей наглядностью показали, что путём насильственного внедрения определённых принципов, искусственного создания многопартийной системы и введения выборов сформировать в одночасье демократическое общество невозможно. А главное – это не приводит к стабильности. Напротив, такие действия дестабилизируют не только государство, подвергнутое насильственной демократизации, но и целый регион, зачастую более обширный, чем территория, первоначально выбранная для эксперимента. Действительно, расширение не позволило НАТО решить ни одной задачи, разве что вовлечь в свои ряды страны Балтии и Восточной Европы, и без того испытывающие страх перед российской угрозой. Нигде благодаря усилиям НАТО не была достигнута стабильность, а следовательно, можно сделать вывод, что вовлечение в альянс государств, не готовых по каким-либо причинам к восприятию западного общественного устройства, оказалось неэффективным.

Разумеется, Россию не может не беспокоить приближение к её границам военного блока, членом которого она не является и по определению являться не может, причём вовсе не из-за её цивилизационных, территориальных, нравственных или конфессиональных отличий. Дело в том, что Россия уже играет определённую надрегиональную роль на постсоветском пространстве, и в силу этого встроена в столь сложный клубок самых разных противоречий, один перечень которых потребовал бы целой статьи. То, что при взгляде с Запада зачастую представляется непредсказуемостью и непоследовательностью российской внешней политики, на самом деле является следствием её сложности и многовекторности, которые не дают возможности сформулировать единую внешнеполитическую линию. Присоединение России к НАТО может присниться европейцам только в страшном сне, поскольку первое, что при этом произойдёт – это полный паралич альянса, решения в котором принимаются на основе консенсуса. Противоречивость политической реальности, которую объективно привнесла бы с собой Россия, уничтожили бы эту систему на корню!

Именно в силу того, что Россия не может стать членом НАТО, "нераспространение" альянса было постоянным условием многочисленных российских односторонних инициатив ещё во времена существования СССР и в первые годы после его распада. У России нет ни одной причины поддерживать расширение альянса, поскольку нет ни одной задачи, которую нельзя было бы решить без этого расширения. НАТО-центричная модель европейской безопасности несправедлива. По определению В. Никонова, она исключает из процесса принятия любых решений не только Россию, но и государства, стоящие в очереди на вступление, но ещё не принятые, а тем более те, окончательного решения по которым по разным причинам

нет (даже такие крупные, как Украина). Нынешняя громоздкая 4-этажная "модель неравноправия" построена по принципу клуба для избранных. "Есть члены клуба, есть те, которые стоят в очереди, и их скоро примут, есть государства, которых примут, может быть, когда-то, а есть те, которых, как Россию, не примут никогда"⁴.

Попытка установить такой миропорядок, при котором такая системообразующая сила, как Россия, по сути, исключается из процесса принятия крупных политических решений, способствовала росту антизападных настроений и в российском обществе, и во властных структурах. Она вызвала к жизни идею суверенной демократии, но самое главное – привела к пониманию, что Россия – это системообразующий центр силы, обязанный с помощью своих союзников, в том числе и на постсоветском пространстве, обеспечивать собственную безопасность и стабильность на этом самом пространстве. Чтобы играть эту роль, России необходима такая свобода рук в выборе курса и в принятии решений, которая будет ограничиваться лишь добровольно принятыми на себя обязательствами.

Исходя из этих соображений, Россия и выступила с инициативой создания новой архитектуры безопасности, где место, по её мнению, должно найтись уже всем субъектам международных отношений – от сверхдержав типа США и Китая до Абхазии, Южной Осетии или непризнанного пока Приднестровья. В результате должна быть создана достаточно широкая зона общей безопасности, которая охватывала бы территорию всей Европы и постсоветского пространства и распространялась бы на все ключевые сферы: политическую, военную, энергетическую и экономическую.

Очевидно, что Европа не чувствует себя в безопасности. У каждой страны для этого есть свои причины, но общими для всех являются появление новых типов международных и внутренних конфликтов, кризис в деятельности традиционных региональных международных организаций и обострение региональных противоречий. В результате увеличивается число "замороженных" и не конца урегулированных конфликтов, растёт угроза сепаратизма, обостряются проблемы нелегальной миграции и наркотрафика, международного терроризма. Более того, глобальная либеральная концепция международных отношений, предложенная после окончания "холодной войны", продемонстрировала свою неэффективность. Мир стоит перед дилеммой: полагаться ли и дальше на принципы либерализма с его опорой на коллективные действия, с миротворческими гуманитарными интервенциями и весьма широким пониманием безопасности или же вернуться к системе чёткого поддержания силового равновесия между полюсами со строго определёнными сферами влияния и ответственностью каждого. В такой ситуации даже для расширившейся НАТО роль единственного гаранта безопасности непосильна.

Инициативы, выдвинутые Россией, представляют собой компромисс между двумя подходами. С одной стороны, сохраняется принцип коллективности, системности безопасности, с другой – прослеживается стремление разделить сферы и зоны ответственности, приобрести право *вето*

⁴ Никонов В. Главная проблема НАТО – это европейская система безопасности. URL: <http://www.kremlorg/opinions/135138785>.

в вопросах расширения существующих и создания новых коалиций и блоков. В результате должна возникнуть система безопасности, в которой геополитически конкурирующие альянсы совместно будут обеспечивать общую безопасность для всех. Практические аспекты этой работы должны быть детализированы и регламентированы системой соглашений, которые и должны стать фундаментом новой архитектуры безопасности.

Конкретным примером одной из наиболее сложных и острых проблем, непосредственно затрагивающих безопасность на постсоветском пространстве, может служить проблема Чёрного моря. Этот регион сегодня потенциально способен и стать источником нарастающих конфликтов, и сохранить статус зоны международного сотрудничества. Большинство современных конфликтов, вызывающих озабоченность наиболее крупных политических игроков (России, Евросоюза, США) и отдельных субъектов международных отношений (Украины, Турции и др.), связаны именно с этим регионом. К ним относятся проблемы базирования российского Черноморского флота и конфликт России и Грузии в августе 2008 г., в котором решался в том числе и вопрос безопасности Абхазии. Сюда же следует отнести и проблемы Приднестровья, несмотря на отсутствие у него прямого выхода к морю, поскольку Молдавия входит в Организацию стран черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Постоянно наращивают своё военное присутствие и политическое влияние в регионе США, используя свои связи с Болгарией и Румынией по линии НАТО. Все эти зреющие конфликты не могут быть разрешены в рамках двусторонних контактов и соглашений между странами, заинтересованными в их разрешении. Необходимы коллективные действия и договорённости, позволяющие снизить градус конфликтности в регионе.

С другой стороны, у стран Черноморского бассейна есть и потенциал для сотрудничества, поскольку здесь должны пройти важнейшие транзитные маршруты транспортировки на европейские рынки энергоресурсов Каспия и Центральной Азии. Возникает дилемма: либо и далее сохранять действующий уже долгое время режим Проливов, при котором проблемы Чёрного моря решают только страны, имеющие прямой выход к нему, либо, в случае вступления Украины и Грузии в НАТО, море, по сути, превратится в зону исключительного влияния альянса, который постарается присвоить себе право принимать все решения, касающиеся региона, не заботясь о сохранении турецкого суверенитета. Чтобы этого не произошло, определённые районы должны находиться в зоне преимущественной ответственности конкретных государств, обеспечивающих в них стабильность. В этом случае значительную долю ответственности за международную безопасность Проливов обязана будет нести Турция, что отнюдь не исключает возможности коллективных действий, требующих общих усилий и согласования позиций.

Дополнительную напряжённость в Черноморском регионе создаёт и программа ЕС "Восточное партнёрство", в которую входят Украина, Молдавия и Грузия. Она даёт шанс Евросоюзу как единому субъекту стать крупным игроком в регионе, что не может не беспокоить Турцию, которой отказывают во вступлении в эту организацию. Разумеется, было бы лучше, если бы присутствие ЕС в регионе ограничивалось системой

двусторонних соглашений со странами, географически входящими в черноморское сообщество.

Таким образом, в рамках новой архитектуры безопасности коллективные усилия должны конструктивно сочетаться с ответственностью конкретных стран за определённую проблему или регион.

В новой системе Россия должна получить возможность реализовать свои конкурентные преимущества и влиять на геополитические процессы в Европе. На сегодняшний день такие возможности у неё непропорционально малы в сравнении с потенциалом. Европейская безопасность обеспечивается международными организациями, в которых влияние России незначительно или вовсе отсутствует. Концептуальные изменения в деятельности этих организаций были внесены тогда, когда страна была ослаблена. Новая система безопасности помимо всех прочих условий должна соответствовать новым реалиям возросшего за последние годы российского потенциала.

Изменения "правил игры", предложенные Россией, затрагивают ряд важных для всех проблем.

1. Разрешение противоречий между правом народов на самоопределение и территориальной целостностью государств.

2. Определение рамок и условий использования "гуманитарной интервенции" в конфликтах.

3. Закрепление принципов функционирования военных и военно-политических союзов.

Каждая из этих проблем не раз создавала угрозу европейской (и не только европейской) безопасности и служила источником "двойных стандартов". Их разрешение отвечает интересам подавляющего большинства государств Европы и постсоветского пространства.

Таким образом, создание новой архитектуры безопасности на огромном евразийском пространстве возможно лишь при условии вовлечения в этот процесс всех расположенных здесь государств, независимо от их сегодняшнего отношения к существующим военно-политическим блокам – НАТО, ОБСЕ, ЕС, ОДКБ и др. Именно поэтому сегодня ни одна из этих структур не может стать площадкой для обсуждения системы коллективной безопасности, рассчитанной на участие как блоковых, так и неблоковых государств.

По словам заместителя председателя Комитета по международным делам Совета Федерации В. Лихачева, Европа никогда не стремилась устанавливать жёсткие, взаимосогласованные и взаимно признанные правила поведения⁵. Но это одна из основных проблем, стоящих перед европейским сообществом. Её решение стало бы серьёзным политическим примером для других регионов мира. В этом заинтересованы также Китай, Индия, Иран и ряд других стран, без которых невозможен сегодняшний миропорядок.

Кроме того, необходимо создать жёсткие механизмы контроля над процессом вооружения и разоружения, особенно в ядерной сфере. Сегодня некоторые государства возглавили группу так называемых "пороговых

⁵ Лихачёв В. Контуры архитектуры европейской безопасности // Парламентская газета. 2009. №13 (2355). 13 марта.

стран", которые стремятся к овладению ядерной энергией и одновременно получают технические возможности для создания ядерного оружия. А это означает, что новая система безопасности должна гарантировать, что безопасность одного государства не будет обеспечиваться за счёт безопасности другого, и жёсткие схемы, построенные по блоковому принципу, применяться не будут⁶.

В связи с этим понятно то внимание, которое в российских инициативах уделяется именно военно-политическим вопросам. События августа 2008 г. на Кавказе продемонстрировали недостаточность и неэффективность, в определённой мере даже иллюзорность, архитектуры евроатлантической безопасности. Она не позволила ни предотвратить кровопролитный сценарий, ни оперативно отреагировать на его неблагоприятное развитие. Кризис в Закавказье показал, что такие структуры, как Евросоюз, НАТО, ОДКБ и СНГ в силу своей институциональной природы занимаются собственными повестками и даже не способны дать адекватную оценку случившемуся. К сожалению, и ОБСЕ, призванная стать универсальным форумом в области безопасности, не уделила достаточного внимания военно-политическим вопросам. Скоординировать их на пространстве Евразии пока не удаётся. Мало того, государства, получившие заверения о вступлении в НАТО, зачастую начинают считать их *карт-бланшем* на проведение политики, несовместимой с принципами безопасности и международным правом.

Истоки такого положения следует искать ещё в 90-х гг. прошлого века. Создание Европейского союза породило взаимодействие двух начал: (1) единого подхода к европейской безопасности и обороне и (2) стремления США сохранить ключевые позиции на европейском континенте. В конечном итоге трансатлантическая модель, которая реализуется под руководством США, сумела вобрать в себя модель европейскую, ассоциируемую с ЕС. Создание Еврокорпуса обострило борьбу США за сохранение своего влияния на континенте (поскольку это влияние реализовывалось через структуры НАТО, которыми руководили в основном американские генералы, то США, понятно, старались не допустить появления в Европе других наднациональных вооружённых формирований). Для этого использовали восточноевропейское лобби из числа бывших членов Варшавского договора и республик Балтии, которые с расширением НАТО стали верными сторонниками США внутри альянса, одновременно резко усилив его антироссийскую направленность. Однако следует иметь в виду, что главной целью политики США, в том числе и руководимого ими расширения НАТО, отнюдь не является обеспечение безопасности Центральной и Восточной Европы или даже угроза безопасности России, а сохранение лидирующих позиций США в Европе⁷. С этой точки зрения для Вашингтона осложнение отношений с Москвой – это скорее неизбежный отрицательный побочный продукт деятельности, направленной на решение указанной задачи. Это достаточно хорошо понимают в Восточной

⁶ Лихачёв В. Контуры архитектуры европейской безопасности // Парламентская газета. 2009. №13 (2355). 13 марта.

⁷ Ижак А. Влияние динамики новой архитектуры европейской безопасности на постсоветское пространство. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/docs/polmil/eura.htm>.

Европе, и в частности в Балтии. Для России же в этом кроется, с одной стороны, шанс всё-таки достичь с НАТО соглашений о безопасности, а с другой – препятствие этим соглашениям, поскольку США, скорее всего, никогда не откажутся от своей главной стратегической цели – сохранения лидерства в Европе, а потому вряд ли отступятся от идеи расширения альянса, которая служит эффективным средством достижения этой цели. Причём для США важен уже сам процесс расширения, его подготовка и оформление, а Россия, естественно, хотела бы, чтобы этот процесс был остановлен и более не возобновлялся. Думается, что достижение компромисса по этому вопросу будет одним из самых трудных процессов на пути реализации инициатив Д. Медведева по строительству новой архитектуры безопасности.

Что касается других аспектов этой проблемы, то в области военной безопасности наиболее важным представляется прежде всего контроль над вооружениями, который волнует все государства в контексте ДОВСЕ, поскольку неизбежное российское военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии ставит на повестку дня вопрос о создании на основе этого договора новой системы контроля над вооружениями. Вторым ключевым моментом является проблема нераспространения ядерного оружия, которая тесно связана с проблематикой Ирана и Северной Кореи. Думается, следует сохранять твёрдую линию на нераспространение, так как нельзя недооценивать опасность появления ядерного оружия у Ирана, который в принципе может создать угрозу южным регионам России. Наконец, большие трудности создаёт разное понимание проблем безопасности в России и на Западе. В лексике западной дипломатии достаточно давно используются термины "жесткая" (военно-политическая) и так называемая "мягкая" (способствующая установлению режима доверия) безопасность. Эти вопросы не получили отражения в Концепции российской внешней политики⁸, а между тем эти понятия играют важную роль. Однако в определённых интеллектуальных кругах России аспекты "мягкой" безопасности зачастую связывают в основном с правозащитной проблематикой. Такой подход неправомерен, поскольку в данном случае имеется в виду создание мер доверия, необходимых для достижения соглашений. В любом случае, в процессе переговоров придётся учитывать, что в странах ЕС и США, особенно в кругах, приближённых к президенту Б. Обаме, понятию "безопасность" придают более широкое значение, включая в него не только "жесткую", но и "мягкую" силу.

После прихода в Белый дом администрации Б. Обамы внешняя политика США начала претерпевать изменения: её основополагающим принципом перестаёт быть демократизация. Новая администрация всё больше отдаёт себе отчёт в том, что демократизация не сводится к формальному введению механизма выборов, но зависит от степени готовности общества и создания необходимой социально-экономической и политической инфраструктуры, что требует многолетних усилий. США готовы сочетать "жесткий" и "мягкий" подходы в вопросах безопасности, отдавать предпочтение политическим и экономическим методам, дипломатии и

⁸ Угрозы, вызовы, архитектура европейской безопасности // Международная жизнь. 2009. № 4. С. 81.

культурным связям, а не военной силе⁹. Причём понятие "мягкой" безопасности всё больше наполняется новым смыслом. Правовая и политическая проблематика уступает место проблематике энергетической и климатической, в том числе экологической, а в конечном счёте – вопросам глобальной экономической безопасности, которые, переплетаясь друг с другом, создают в общемировом масштабе (и в масштабе постсоветского пространства) достаточно много сложных проблем, значение которых со временем будет только возрастать.

Инициативы по созданию новой архитектуры безопасности прозвучали в период обострения мирового финансово-экономического кризиса – первого кризиса эпохи глобализации. Мир стоит перед необходимостью не только отработать механизмы защиты суверенитета и стабильности в том или ином регионе, но, по всей вероятности, создать в ближайшие годы новую модель мировой экономики. И уже сегодня, не объединяя пока эти вопросы в единый комплекс, Д. Медведев говорит не только о новой архитектуре военно-политической безопасности, но и о новом мировом экономическом порядке. Пока его главные характеристики неясны и носят в основном отрицательный характер. Так, во время серии визитов в страны Африки в конце июня 2009 г. российский президент, имея в виду США, подчеркнул, что цены на углеводородное сырьё (а значит, и экономическое благосостояние, и развитие не то что регионов – целых континентов) не могут зависеть от состояния экономики одной, пусть и очень крупной державы¹⁰.

Европа и США, со своей стороны, сейчас будут делать всё для диверсификации поставок топлива, искать новые источники энергии и пути транспортировки энергоносителей. Поскольку главной альтернативой российским поставкам в Европу из Евразии являются бывшие союзные республики СССР, то вопросы "мягкой" энергетической безопасности напрямую связаны с вопросами военно-политической безопасности на постсоветском пространстве.

США предложили план под названием "Новая энергетика для Америки". Он предусматривает экономию в течение 10 лет больших объёмов нефти, чем США импортируют из стран Ближнего Востока и Венесуэлы. Такое снижение зависимости от импорта должно сопровождаться масштабным производством электромобилей американского производства, ростом удельного веса электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников (до 25 %), значительным снижением выбросов углекислого газа в атмосферу¹¹. Учитывая высокий технологический уровень европейских стран и свободный обмен научно-технологическими знаниями, нет сомнения, что Евросоюз воспримет эту политику своих заокеанских партнёров как руководство к действию. Сегодня трудно оценить перспективы реализации подобных программ, так же как и соответствующей программы по значительному снижению уровня вредных выбросов и переходу

⁹ *Ананьева Е., Ананьев А.* "Мягкая" безопасность становится жёстче // *Международная жизнь.* 2009. № 4. С. 100–101.

¹⁰ Громкий визит российского президента в Африку. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-06/25/content_282209.htm.

¹¹ *Ананьева Е., Ананьев А.* Указ. соч. С. 101.

к торговле квотами на них (что, кстати, может сильно ударить по энергетически самодостаточным, но технологически ещё отстающим странам). Высказываются сомнения, в том числе и в самих США, что подобную программу можно выполнить в те сроки и теми средствами, которые планируются сейчас. Неясна и реакция на подобные новации многих партнёров Запада по мировой экономике, в частности Китая. Однако забывать о том, что такие программы существуют, и не учитывать последствий их полной или частичной реализации для мировой экономической безопасности было бы недальновидным.

Евросоюз тоже поставил перед собой задачу создать первым в мире конкурентоспособную энергетически безопасную низкоуглеродную экономику. В ЕС принята программа, которая в течение ближайшего десятилетия должна привести к тому, что 20 % энергии в общем топливном балансе будет производиться из возобновляемых источников, на 20 % сократятся выбросы парниковых газов и на 20 % снизится спрос на энергоресурсы. Для США очень важно, что в вопросах энергетической и экологической безопасности они и их европейские партнёры выступят союзниками, ведь это служит делу реализации упомянутой выше главной стратегической цели Америки – сохранить своё присутствие и влияние в Европе. В ходе выполнения подобных широкомасштабных программ будут осуществляться значительные финансовые вливания в экономики развивающихся стран, а внедрение новых технологий создаст новые рынки. Евросоюз постарается стать центром этого мирового процесса, выступая регулятором различных интересов, в том числе таких стран, как Китай, Индия и Россия.

Западноевропейские и американские дипломаты могут использовать инициативы президента Д. Медведева по строительству новой архитектуры безопасности в борьбе за снижение энергетической зависимости от России, тем более что Запад, особенно в связи с проблемами газового транзита через Украину, не перестаёт упрекать её в использовании поставок энергии в качестве орудия политического давления. Госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что кризис может оказать позитивное воздействие на климат и энергобезопасность в том смысле, что восстановленная экономика может стать более экологичной и менее энергоёмкой¹².

В феврале 2009 г. на конференции "НАТО, Россия, природный газ и Ближний Восток" министр иностранных дел Великобритании Д. Милибэнд, приветствовав инициативы российского президента, отметил, что необходимо выработать общее понимание безопасности, которое уже не ограничивается военной безопасностью по защите государственного суверенитета и территориальной целостности, а включает экономическую, энергетическую и климатическую безопасность, безопасность человека и его прав¹³.

Здесь целесообразно вспомнить, что ещё накануне внеочередного саммита ЕС 1 сентября 2008 г. премьер Г. Браун в связи с конфликтом

¹² URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/4638844.html?action=Popup>.

¹³ URL: <http://www.ico.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=Speech&id=13436045>.

в Южной Осетии так разъяснил позицию Великобритании в отношении европейской и энергетической безопасности: "Ни одной стране нельзя давать возможность затягивать на шею Европы энергетическую "удавку". По его мнению, следует диверсифицировать источники энергетических поставок и разрабатывать альтернативные источники энергии именно тогда, когда рынки приобретают всё большую волатильность, а борьба за скудеющие сырьевые ресурсы обостряется. "В ситуации, когда государства, вроде России, всё чаще используют свои энергетические ресурсы в качестве политического инструмента, становится очевидно, что необходимость перехода на новые источники всё больше обуславливается и соображениями безопасности". Неоднократные заявления российских лидеров о том, что Европе следовало бы предпочесть диверсификации и рыночной конкуренции большую надёжность, не были услышаны. Напротив, Г. Браун призвал лидеров других стран Евросоюза увеличить финансирование проекта строительства трубопровода из Каспийского региона, что ослабит зависимость от России, а также не заключать с ней "сепаратных" двусторонних соглашений в энергетической сфере (явный намёк прежде всего на Германию)¹⁴.

Судя по этим высказываниям, жизненные интересы Британии (и не только её одной) требуют разработки общей европейской "восточной политики" в отношении России. Логика рассуждений при этом выстраивается следующим образом: (1) формирование европейской внешней политики зависит от общей европейской политики в отношении России, и в этой области ключевая роль в Европе принадлежит Германии; (2) политика ЕС в отношении России, в свою очередь, зависит от европейской энергетической политики и европейской стратегии в отношении Украины¹⁵.

Таким образом, любые вопросы европейской безопасности так или иначе замыкаются на постсоветском пространстве как ключевой геополитической реалии современной архитектуры безопасности, с какой бы точки зрения на неё ни смотреть – с точки зрения России, выступающей с концепцией новой системы "жёсткой" военно-политической безопасности и преодоления одностороннего диктата США и НАТО, или с точки зрения западных держав, которых волнуют вопросы энергетической безопасности и преодоления монополизма России в этой области.

Но в этом же состоит и основная проблема – разница в отношении к "жёсткой" и "мягкой" безопасности создаёт между Россией и её партнёрами труднопреодолимый барьер в понимании ключевых проблем международных отношений, а поиск компромиссов в этих условиях будет очень сложным.

Другой не менее сложной проблемой, также замкнутой на постсоветском пространстве, является один из аспектов "мягкой" безопасности – безопасность климатическая или, точнее, противодействие негативным политическим последствиям изменения климата. Проблема эта была сформулирована в двух докладах ЕС на тему: "Изменение климата и международная безопасность", первый из которых был подготовлен

¹⁴ *Ананьева Е., Ананьев А.* "Мягкая" безопасность становится жёстче // *Международная жизнь.* 2009. № 4. С. 106.

¹⁵ *The Observer.* 2008. August 31. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/243671.html>.

к апрельскому (2008 г.) саммиту НАТО в Бухаресте. В докладах отмечается, что нарушение климатического баланса на планете повлияет на стратегический контекст европейской внешней политики и политики безопасности, вызвав кризисы, конфликты и стихийные бедствия, которые потребуют международных мер. Оно многократно усилит проблему дефицита ресурсов, особенно энергии, воды и продовольствия. Конкуренция из-за них угрожает ростом экологической миграции и политического экстремизма. Потенциальное противостояние "богатого" Севера и "бедного" Юга чревато конфликтами. Для Запада особенно тревожным является то, что основные запасы углеводородов, если говорить об альтернативных поставках в обход России, находятся именно в регионах, наиболее подверженных климатическим изменениям, в государствах, переживающих серьёзные социально-экономические и демографические проблемы. Наиболее глубокое влияние климатические изменения окажут на Арктику, а наиболее острые политические последствия они могут повлечь за собой в Африке, на Ближнем Востоке и в Центральной (Средней) Азии¹⁶.

Сразу видно, что непосредственно интересам безопасности России угрожает таяние арктических льдов, которое приведёт к подъёму уровня Мирового океана, что может повлечь за собой конфликты из-за изменения морских границ, транспортных путей и приоритетов в добыче минеральных богатств Арктики.

Что же касается Центральной Азии, то здесь между государствами намечается обострение конфликта интересов в области управления водными ресурсами. А стратегические программы Евросоюза в отношении стран региона подразумевают, что вопросы климатической безопасности будут решаться в русле европейской политики, поскольку трансграничное управление водными ресурсами в Центральной Азии – "важный оплот стратегии"¹⁷.

России необходимо тщательно разрабатывать концепцию безопасности применительно к этому региону с учётом упомянутых реалий. Вообще, природоохранную составляющую трудно назвать приоритетной и сильной стороной российской политики, особенно внешней. Тем большее внимание следует уделить этим аспектам в ближайшей перспективе, чтобы сформировать адекватный ответ инициативам Запада по управлению процессами в азиатской части постсоветского пространства. У России есть для этого конкретный инструмент – ЕврАзЭС, в рамках которого разрабатывается Концепция эффективного использования водно-энергетических ресурсов Центральноазиатского региона (её проект был предложен Россией ещё в октябре 2006 г.). Именно Россия могла бы воспользоваться своим авторитетом в государствах Центральной Азии для того, чтобы свести к минимуму риск возможных политических конфликтов на почве

¹⁶ URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/ressdata/EN/reports/99387.pdf; Climate Change and Security: Recommendations of the High Representative and Commission Report on Climate Change and International Security. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/reports/104895.pdf.

¹⁷ *Ананьева Е., Ананьев А.* "Мягкая" безопасность становится жёстче // *Международная жизнь.* 2009. № 4. С. 107.

водопользования и не допустить вмешательства какой-либо третьей политической силы, которая могла бы стать посредником в преодолении разногласий по этому вопросу между центральноазиатскими государствами.

В рамках одной статьи невозможно подробно рассмотреть все разнообразные аспекты строительства новой архитектуры безопасности. В частности, говоря о трудностях и противоречиях на этом пути, мы, следуя букве инициатив президента Д. Медведева, упомянули лишь о противоречиях между Россией и Западом. Между тем вызовы со стороны "незападных" государств угрожают общей безопасности и безопасности нашей страны не меньше, а в чём-то, может, и больше. Достаточно упомянуть международный терроризм и торговлю наркотиками. В данной статье мы лишь хотели показать, что подлинные задачи строительства новой системы безопасности гораздо весомее и сложнее того, что обычно отмечается в комментариях к внешнеполитическим инициативам президента. Думается, что каждая из упомянутых здесь проблем (а рассмотрены они далеко не все) заслуживает отдельной детальной проработки.

В заключение остаётся лишь ещё раз подчеркнуть, что постсоветское, а может быть, чуть шире – постсоциалистическое, пространство остаётся ключевой зоной, вокруг которой формируются узлы международных противоречий и новая система взаимоотношений блоков и государств и где происходит строительство новой архитектуры европейской, а точнее – евразийской, безопасности. Ответственность за сохранение иногда шаткого, а иногда и более стабильного равновесия на постсоветском пространстве по-прежнему лежит на России. Груз этой ответственности нелёгок, но никто другой взять её на себя не может. Внешние силы, вмешиваясь и преследуя свои интересы, стать подлинным гарантом стабильности на этом пространстве не способны.

В фундамент новой архитектуры безопасности закладываются только первые блоки. Миссия определена, работа начата, и она должна быть доведена до конца...